

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЯ.

Человѣкъ моего возраста не можетъ открыть «Новаго Времени», чтобы среди траурныхъ ободковъ ежедневно, буквально ежедневно, не встрѣтить какое-либо знакомое имя въ пріятномъ ожиданіи, что и его собственное попадется на глаза врагамъ и пріятелямъ. Вотъ нѣсколько лицъ, которыхъ я зналъ поближе и о которыхъ могу поэтому подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями.

I.

П. I. Губонинъ.

Скончавшійся внезапно 30-го сентября 1894 г. въ Москвѣ на 67 году жизни Петръ Іоновичъ Губонинъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ весьма замѣчательнымъ русскимъ людямъ. Это блестящій

типъ тѣхъ нашихъ «самородковъ», которые безъ малѣйшаго предварительнаго образованія, одною силою природныхъ способностей, такъ-называемой «смекалки», да пріобрѣтенной жизнью практической опытности въ состояніи создавать и осуществлять самые разнообразныя и обширныя планы.

Подобныя типы, положимъ, существуютъ и за-границею, особенно между фабрикантами и бирже-виками, но у насъ они попадаются еще чаще, и при низкомъ уровнѣ культуры и образованія роль ихъ гораздо значительнѣе.

Глядя на Губонина съ его красивою чисто русскою наружностью, красивыми оборотами русской рѣчи «себѣ на умѣ» и мягкими манерами, мнѣ становилось ясно, какъ бояре или дѣяки московской Россіи XVI и XVII столѣтія безъ малѣйшаго образованія, кромѣ грамотности, заимствованной у пономаря или изъ чтенія рукописныхъ переводовъ нѣсколькихъ книгъ византійскихъ церковныхъ писателей, рѣшали съ успѣхомъ важнѣйшія государственныя дѣла, искусно вели дипломатическіе переговоры и лицомъ въ грязь не ударяли даже при утонченномъ дворѣ Людовика XIV.

Губонинъ былъ сынъ крѣпостного крестьянина, каменщика, деревни Борисовки, Коломенскаго уѣзда Московской губерніи. Съ молодю у него было около Подольска небольшое заведеніе для тески камней

и точилъ. Занимаясь подрядами на каменные работы въ г. Петербургѣ, Москвѣ и на шоссе, онъ свелъ знакомство съ путейскимъ міромъ и ознакомился со строительною частью вообще, что пригодилось ему для дальнѣйшей карьеры.

Желѣзнодорожная горячка середины 60-хъ годовъ быстро выдвинула Губонина на первый планъ въ числѣ желѣзнодорожныхъ строителей и сдѣлала имя его популярнымъ по всей Россіи. Онъ началъ при содѣйствіи покойнаго инженера, извѣстнаго Т. Садовскаго, съ постройки каменныхъ мостовъ на казенной Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Обративъ здѣсь на себя вниманіе отличнымъ знаніемъ дѣла, онъ получилъ съ Садовскимъ и покойнымъ Н. Казаковымъ постройку Орловско-Витебской желѣзной дороги, концессія которой была дана орловскому земству. Во время постройки Садовскій умеръ. Оставшись почти единственнымъ хозяиномъ, Губонинъ добросовѣстно по окончаніи сооруженія поднесъ семейству Садовскаго огромную сумму, чуть ли не милліонъ рублей. Затѣмъ Губонинымъ построены были Грязе-Царицынская желѣзная дорога, Лозово-Севастопольская дорога (со Струве), Уральско-Горнозаводская дорога съ Луньевскою вѣтвью (съ Кокоревымъ), Балтійская дорога (со Штейнцелемъ); послѣдняя, по своему времени, обошлась очень дешево. Всѣ эти линіи выстроены были прочно и

добросовѣстно, сравнительно съ такъ называемыми жиновскимп дорогами. Эти дороги онъ строилъ какъ концессіонеръ и глава акціонерныхъ обществъ. Кромѣ того, имъ были исполнены громадныя подрядныя работы по постройкѣ Московско-Курской и Курско-Кіевской желѣзныхъ дорогъ.

Огромныя средства, нажитыя постройкой дорогъ, чуть ли не около 20 милліоновъ рублей, естественно толкнули Губонина вступить въ другія предпріятія: при его сильномъ участіи были основаны Волжско-Камскій банкъ, Сѣверное страховое общество и Бакинское нефтяное общество. На его средства и при его кредитѣ основался важнѣйшій въ Россіи сталелѣдательный и рельсовый заводъ — Брянскій, учреждено общество «Нефть», имѣющее такое важное значеніе въ перевозкѣ нефтяныхъ продуктовъ; имъ устроена сѣтъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, обращено въ великолѣпный европейскій курортъ крымское имѣніе Гурзуфъ, гдѣ заведено обширное винодѣліе. Множество другихъ предпріятій, болѣе или менѣе удачныхъ, также принадлежатъ его широкому почину, таковы: казанскій водопроводъ, Голубовское каменноугольное общество, Общество русскаго рельсоваго производства и мн. др. Онъ принималъ участіе въ сооруженіи храма Спасителя въ Москвѣ и вмѣстѣ съ покойнымъ Мейеномъ устроилъ въ Москвѣ Компсаровъ

ское техническое училище. По его же инициативѣ построена казною Баскунчакская желѣзная дорога. Занимаясь въ обширныхъ размѣрахъ солянымъ дѣломъ на Баскунчакѣ и въ Дедюхинѣ, онъ своими ходатайствами въ 70-хъ годахъ много содѣйствовалъ отмѣнѣ налога на соль. Выдѣлка смазочныхъ нефтяныхъ маселъ и золотопромышленность также не обошлись безъ участія Губонина.

Такого рода обширная дѣятельность требовала массы помощниковъ и, надобно сказать, Губонинъ отлично умѣлъ выбирать людей. Столь извѣстные промышленные дѣятели, какъ кн. Тенишевъ, покойные бар. Штейнгель, Козляниновъ, Голубень, Силинъ, Кульжинскій и др. были молодыми, никому невѣдомыми «инженериками» (какъ онъ выражался) и десятниками на его постройкахъ.

Въ 70-хъ годахъ имя Губонина гремѣло, особенно въ Москвѣ. Нѣкто выразился, что въ семидесятихъ годахъ наша первопрестольная стояла на трехъ китахъ: административномъ кн. Долгоруковѣ, денежномъ Губонинѣ и артистическомъ Ник. Рубинштейнѣ. Всѣ трое были одинаково извѣстны и одинаково полезны.

Какъ водится, у насъ богатство повлекло за собою для Губонина чины и звѣзды, но онъ, хотя и не безъ притворнаго смиренія, желалъ, чтобы видѣли, что онъ не «мѣщанинъ во дворянствѣ», а

дята своихъ рукъ, поэтому и въ званіи тайнаго совѣтника ходилъ въ картузѣ и сапогахъ бутылками, и звѣзду надѣвалъ на длиннополый сюртукъ.

Какъ подрядчикъ, Губонинъ отличался заботливостью о той толпѣ, изъ которой вышелъ, и былъ извѣстенъ своимъ хорошимъ расчетомъ съ рабочими; десятки тысячъ трудящагося люда въ разныхъ концахъ Россіи, навѣрное, вспоминаютъ о немъ. Народный вопросъ всегда интересовалъ его. Когда Губонинъ въ первый разъ въ жизни поѣхалъ за границу лечиться, я спрашивалъ его, что болѣе всего поразило его въ западныхъ краяхъ.

— Это какъ богато живутъ тамъ мужики, отвѣчалъ онъ.

Замѣчаніе, полное глубокаго смысла.

Вообще, это былъ замѣчательно толковый и прямой умъ, который быстро, безъ подготовки и ученя, все схватывалъ, отъ сложныхъ техническихъ вопросовъ до замысловатыхъ финансовыхъ комбинацій. Въ то время, когда у насъ даже чиновникамъ финансоваго вѣдомства неяснымъ представлялось отличіе акціи отъ облигаціи, Губонинъ безъ труда сталъ крупнымъ финансистомъ. Этою легкостью усвоенія, а равно превосходнымъ знаніемъ Россіи и своеобразныхъ условій ея быта, онъ напоминалъ Кокорева, съ которымъ его связывали постоянныя

дружескія отношенія, выгодныя, прибавимъ, для обоихъ.

Въ послѣдніе годы здоровье Губонина пошатнулось; онъ страдалъ сахарною болѣзнію и выдержалъ жестокую операцію; со здоровьемъ пошатнулись нѣсколько и его дѣла. Добродушный и довѣрчивый, Губонинъ, кажется, также быстро потерялъ часть своего состоянія, какъ и нажиль его. На немъ оправдался извѣстный афоризмъ, что деньги легче нажить, чѣмъ собрать. Но если наслѣдники Губонина получаютъ менѣе, чѣмъ ждали, зато сподвижники его всѣ остались съ весьма крупными капиталами...

Пятницкая церковь въ Москвѣ, гдѣ отпѣвали Губонина (онъ похороненъ въ Гурзуфѣ), построена на его средства, съ большимъ вкусомъ и замѣчательною роскошью, въ русско-византійскомъ стилѣ. У этого самородка, въ числѣ другихъ достоинствъ, было и эстетическое чутье.

Я лично узналъ Губонина, когда Кокоревъ основывалъ Волжско-Камскій банкъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за крупнымъ капиталистомъ. Въ 1871 г., при учрежденіи Сѣвернаго общества страхованія и транспортированія кладей, я опять видѣлъ часто Губонина у Кокорева, но, кажется, въ то время роли уже перемѣнились и скорѣе Губонинъ нуждался въ Кокоревѣ и его банкѣ.

Такъ какъ Губонинъ былъ и желѣзнодорожникомъ, и углепромышленникомъ, и солепромышленникомъ, и золотопромышленникомъ, и нефтепромышленникомъ, то мнѣ его приходилось видѣть частенько просителемъ. Въ послѣднее время онъ все плакался и, конечно, по русскому обычаю, преувеличивалъ затруднительное положеніе своихъ дѣлъ.

Но я видѣлъ Губонина и въ апогеѣ его величія и славы. Онъ всегда отличался хлѣбосольствомъ.

— Пойдемте, молодцы, пить чай въ трактиръ, говорилъ онъ своимъ инженерамъ, приглашая ихъ на роскошные завтраки и обѣды въ ресторанахъ. Что это было за угощеніе, я убѣдился, когда ѣздили въ 1879 г. съ гр. Э. Т. Барановымъ и Н. Н. Анненковымъ на Уралъ, причемъ мы присутствовали на открытіи Луньевской вѣтви Уральской желѣзной дороги.

Для проѣзда экстреннаго поѣзда изъ конца въ конецъ вѣтви, т. е. изъ ст. Чусовской до Березниковской пристани на Камѣ, потребовалось не мало усилій. Путь не былъ готовъ еще на протяженіи семнадцати верстъ. Это пространство было наскоро уложено въ теченіе четырехъ дней подъ руководствомъ Губонина; работали день и ночь и мѣстами, за недостаткомъ баласта, рельсы были временно подбиты дровами. Конечно, по такому пути можно ѣхать только шагомъ, но и это было пріят-

нѣе, чѣмъ тонуть въ экипажѣ въ болотахъ, окружающихъ линію. Смычка пути произошла около ст. Кизель какъ-разъ наканунѣ нашего проѣзда и сопровождалась торжествомъ. Рабочіе, прельщенные разрѣшеніемъ по окончаніи экстреннаго труда погулять, лѣзли, что называется, изъ кожи; соперничеству содѣйствовало еще то обстоятельство, что съ одной стороны шла артель татаръ, съ другой артель русскихъ рабочихъ; въ концѣ концовъ русскіе побѣдили здѣсь мусульманъ, какъ побѣдили ихъ на Куликовомъ полѣ, подъ Казанью и Плевною. Впрочемъ, всѣмъ рабочимъ одинаково была роздана денежная награда, а дорожный мастеръ, наиболѣе отличившійся, получилъ триста рублей.

Мы прибыли въ Кизеловскій заводъ въ моментъ общаго веселья, рабочіе отдыхали на лаврахъ, жители дивились поѣзду, который они видѣли въ первый разъ въ полномъ составѣ, заводоуправленіе предвкушало блаженство владѣльцевъ завода кн. Абамеликъ-Лазаревыхъ, для которыхъ проведеніе желѣзной дороги равнялось подарку въ нѣсколько миллионовъ рублей; словомъ, всѣ радовались.

Конечно, вся поѣздка отъ Перми до Березниковъ была рядомъ лукулловскихъ угощеній. Графъ Барановъ любилъ хорошо покушать и Губонинъ, много ему обязанный, привезъ съ собою лучшихъ

поваровъ и какіе-то неисчерпаемые запасы гастрономической провизіи и тонкихъ винъ.

Торжество омрачилось тѣмъ, что въ то время, когда Губонинъ смотрѣлъ въ окно вагона, раскаленная искра локомотива сѣла ему въ глазъ и уголекъ впился въ роговую оболочку. Губонинъ буквально страдалъ, сутки не спалъ, глазъ слезился; но онъ ничего дѣлать не хотѣлъ. Миѣ это наскучило.

— Дайте миѣ тридцать тысячъ, и я васъ вылечу, сказалъ я ему.

— Бери хоть сто тысячъ, но только спасай глазъ, сказалъ онъ.

Я употребилъ извѣстное средство нянскъ: завернулъ въ дудочку уголокъ носового платка, поплевалъ на него, раскрылъ глазъ и, проведя съ нѣкоторою силою, вытацилъ занозу. Губонинъ воскресъ, повеселѣлъ и о моемъ докторскомъ гонорарѣ совсѣмъ позабылъ, хотя при встрѣчахъ называлъ меня всегда спасителемъ.

II.

Н. А. Новосельскій.

Покойный Николай Александровичъ Новосельскій, котораго я лично зналъ тридцать пять лѣтъ, заслуживаетъ болѣе чѣмъ коротенькаго некролога петитомъ, посвященнаго ему нашими газетами. Въ из-

вѣстной степени это была весьма замѣчательная личность, нѣчто въ родѣ русскаго Лессепса, съ тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Подъ достоинствами я разумѣю необыкновенную быстроту концепціи, неутомимость въ изобрѣтеніи новыхъ дѣлъ и настойчивость въ ихъ осуществленіи. Подъ недостатками — какое-то халатное добродушіе въ исполненіи, почему всѣ великолѣпно задуманныя Новосельскимъ дѣла шли, обыкновенно, очень дурно подъ его непосредственнымъ управленіемъ и, наоборотъ, снова очень скоро дѣлались прекрасными, когда переходили въ другія руки.

Такимъ образомъ это былъ человѣкъ болѣе замысла, нежели энергіи и исполненія. Онъ былъ идеаль «дѣльца» или gründer'a, но въ хорошемъ значеніи слова: такъ сказать, поэтъ спекуляціи, личная нажива для котораго хотя и служила яко бы цѣлью, но въ дѣйствительности роли не играла, почему Новосельскій, ворочавшій десятками милліоновъ, почти всю жизнь нуждался (конечно, не въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а въ средствахъ для своихъ оборотовъ) и едва ли оставилъ какое-либо состояніе.

Инициаторы дѣла и не въ одной Россіи такъ кончаютъ; ихъ сначала всегда ругаютъ, затѣмъ имъ ставятъ монументы, денегъ же они не наживаютъ, — наживаются тѣ, которые, не мудрствуя лукаво, являются уже на готовое. Исключенія рѣдки.

Когда я видѣлъ въ «Comédie Française» Меркаде въ великолѣпномъ исполненіи Го, мнѣ всегда представлялся Николай Александровичъ съ его «игроу ума» и находчивостью.

Въ молодости онъ служилъ въ Синодѣ. Повидимому, это мало имѣетъ общаго съ финансами, но это только повидимому. На дѣлѣ въ синодальномъ управленіи всегда хранились и хранятся огромные капиталы, которые надобно помѣщать и приращать; поэтому изъ синодскихъ дѣятелей у насъ уже было нѣсколько финансистовъ, напримѣръ Н. П. Смирновъ, пріятель Новосельскаго.

Оба означенныя лица изъ первыхъ оцѣнили значеніе для Россіи акціонернаго начала, которому у насъ до Крымской войны ходу не давали. Поэтому, когда дали, Новосельскій оказался какъ-разъ на высотѣ положенія. Впрочемъ, и ранѣе онъ уже успѣлъ заявить себя, а именно устроить сліяніе двухъ убыточныхъ обществъ «Кавказъ» и «Меркурій» и, ставши въ 1853 г. директоромъ-распорядителемъ новаго общества, «Кавказъ и Меркурій», впервые связавшаго срочными пароходными сообщеніями Каспійское море и Нижнюю Волгу.

Въ то время акціонерная дѣятельность была въ Россіи въ младенчествѣ, руководили ею иностранцы, а во главѣ немногочисленныхъ предпріятій стояли люди въ родѣ г-р. Нессельроде, не знавшаго ни слова

но-русски, или кн. Орлова, который не умѣлъ читать длинныхъ цифръ, почему въ докладахъ 1-го страхового общества суммы писались прописью! Вотъ въ эту-то среду попалъ молодой и живой Новосельскій; попятно, что онъ занялъ быстро мѣсто первой скрипки. Но сразу онъ узналъ, что Тарпейская скала недалеко отъ Капитолія.

Многочисленные неудачи «Кавказа и Меркурія» приписывались учредителямъ. Когда во главѣ дѣла сталъ Новосельскій, то послѣ перваго же года онъ пріобрѣлъ великое довѣріе: всѣ радовались дивидендамъ и разбирали акціи новыхъ выпусковъ, но вскорѣ послѣдовало разочарованіе: расчеты оказались преувеличенными и акціи упали съ 420 на 70 рублей! Съ этого момента Новосельскій узналъ горькую истину евангельскихъ словъ: «у немущаго отыметъ и имущему дастся», которые потомъ были его любимую поговоркою.

Онъ принялъ также участіе въ учрежденіи превосходнаго по идеѣ Общества обработки животныхъ продуктовъ, которое, несмотря на участіе предпринимчивыхъ людей, какъ Байковъ, Илимовъ, Полетика, въ концѣ концовъ «обработало» только своихъ акціонеровъ.

Первыя неудачи не охладили Новосельскаго и послѣ Крымской войны онъ съ ревностью приступилъ къ созданію болѣе крупныхъ дѣлъ.

Уже во время войны онъ ѣздилъ для изслѣдованія возможности устроить соединеніе Кавказа съ Россіей водяными путями. Результатомъ этого было соединеніе Одессы съ Ростовомъ и другими городами новымъ тогда телеграфомъ и учрежденіе Ріонскаго и Кубанскаго пароходствъ, имѣвшихъ значеніе до постройки желѣзныхъ дорогъ на Кавказѣ. Онъ же былъ въ числѣ инициаторовъ и соединенія Волги съ Дономъ желѣзною дорогою. Мысль соединить эти двѣ великія рѣки (конечно, каналомъ) была уже у султана Солимана, ее раздѣлялъ Петръ Великій, а осуществилъ хотя иначе Кокоревъ.

Сокращеніе вслѣдствіе Крымской войны до микроскопическихъ размѣровъ нашего Черноморскаго флота вызвало необходимость создать учрежденіе, которое сохранило бы моряковъ для будущаго флота. Въ это время Перейра во Франціи развилъ, по примѣру Англіи, срочныя пароходныя сообщенія, а Лессепсъ задумывалъ уже свой каналъ. Новосельскій съ Аркасомъ, при поддержкѣ великаго князя Константина Николаевича, создали въ 1856 г. «Русское общество пароходства и торговли», которое связало южные русскіе порты съ Архипелагомъ, Средиземнымъ моремъ и Англіей.

Акція этого предпріятія, дававшая потомъ свыше 30% дивиденда, тогда чуть не силою навязывались городскимъ головамъ всѣхъ губернскихъ городовъ,

подъ предлогомъ патріотической цѣли сохранить русскихъ моряковъ на Черномъ морѣ. Кокоревъ рискнулъ взять этихъ акцій на полмилліона. Тогда, при отсутствіи банковъ, это считалось огромною суммою. Теперь ее не задумался бы взять какой угодно биржевикъ изъ старшихъ дворняжковъ. Душою всего дѣла сталъ Новосельскій, и съ тѣхъ поръ почти на 25 лѣтъ дѣятельность его тѣсно связалась съ Одессою. Въ Одессѣ Новосельскій просто всѣхъ очаровалъ, за что мѣстные зомы называли его въ шутку Чичиковымъ. Но пароходное предпріятіе, прекрасно задуманное, въ рукахъ Новосельскаго пошло съ такими затрудненіями, что въ короткій срокъ перемѣнилось пять директоровъ-распорядителей.

Убытки зависѣли отъ увлеченія, съ которымъ Новосельскій приобрѣлъ навигаціонное имущество общества, и отъ ошибочнаго распределенія этого имущества. Пароходы были куплены поторопу, для обязательныхъ линій менѣе, чѣмъ ихъ слѣдовало, а для буксирнаго дѣла, оказавшагося совершенно убыточнымъ, болѣе. Тамъ, гдѣ было много пассажировъ, плавали пароходы, имѣвшіе мало каютныхъ мѣстъ, или, наоборотъ, случалось, что при большомъ количествѣ грузовъ пассажирскій пароходъ уходилъ, не имѣя ни одного пассажира.

Дѣятельность Новосельскаго подверглась рѣзкой

критикѣ въ печати. Ес публично взялись обличить Перозіо, а защитити Смирновъ. Отъ обонхъ рѣчи говорили Полетика и Серго-Соловьевичъ. Вой произоеть въ Пассаажѣ и тогда-то произнесъ Ламанскій знаменитое: «мы еще не созрѣли». Евгеній Ивановичъ хотя былъ выбранъ суперарбитромъ, но видѣмо тянулъ на сторону Новосельскаго, что и вызвало «пассаажъ въ Пассаажѣ», какъ выразился въ «Современникѣ» Добролюбовъ. Защитники же Новосельскаго написали въ «Искрѣ», что:

Полемика Полетики,
При тонкости политики,
При знаньи арифметики,
Не выдержала критики.

Дѣла «Русскаго общества» шли, однако, все хуже и хуже и цѣна акцій съ 250 руб. упала до 160 руб. Новосельскому пришлось ретироваться и мѣсто его занялъ Н. М. Чихачовъ. При его спокойномъ и твердомъ управленіи дѣла съ перваго же года поправились и акціи мало-по-малу (несмотря на прогрессирующее уменьшеніе номинальной платы) дошли до 960 руб.

Новосельскій не оставилъ, однако, Юга Россіи и попрежнему умѣлъ находить нищу для своей дѣятельности.

За уступкою по Парижскому трактату южной Бессарабіи, гдѣ былъ обширный казенный соляной про-

мысль, юго-западъ Россіи рисковать дороговизною соли. Новосельскій предложилъ тогда изъ-за разсрочки акциза устроить соляное дѣло на окружающихъ Одессу лиманахъ. Онъ и устроить его на Куяльницѣ, введя впервые въ Россіи французскій, усовершенствованный бассейновый способъ добычи самосадочной соли, нынѣ на югѣ ставшій общимъ. Здѣсь-то я въ 1863 г. и познакомился съ Новосельскимъ. Несмотря на казавшуюся выгодность, куяльницкое дѣло не принесло Новосельскому ничего, кромѣ убытковъ, и сложеніе этихъ убытковъ черезъ комитетъ министровъ надѣлало въ свое время много шума. Но стоило уйти Новосельскому, и Куяльницѣ сдѣлался выгоднымъ предпріятіемъ, вѣдь до отмены акциза съ соли, произведеннаго, какъ извѣстно, большую пертурбацію въ соляномъ дѣлѣ Россіи.

Въ 1861 г. князь Барятинскій, въ виду страшныхъ безпорядковъ казеннаго управленія, сдалъ Кавказскія минеральныя воды Новосельскому въ арендное содержаніе, съ небольшою субсидіей и безпроцентнымъ оборотнымъ капиталомъ. Аренда эта продолжалась девять лѣтъ; главнымъ руководителемъ на мѣстѣ Новосельскій пригласилъ извѣстнаго профессора Московскаго университета С. А. Смирнова. Хотя незначительность средствъ, паходившихся въ рукахъ Новосельскаго, не позволяла сдѣ-

латъ за его время коренного переустройства водъ, но аренда очень много способствовала изученію водъ съ научной стороны, а также привлеченію къ нимъ посѣтителей.

Съ конца 1867 года начинается самая плодотворная часть дѣятельности Новосельскаго. Одесса, признательная за устройство сѣти пароходныхъ сообщеній, соляного промысла и за починъ въ улучшеніи порта, избрала его городскимъ головою, въ каковой должности онъ и оставался до половины іюня 1878 года.

Одессу Новосельскій засталъ въ запущенномъ видѣ, портъ былъ засоренъ и недостаточенъ, солоноватую воду доставляли колодцы, вмѣсто мостовой — горы пыли, освѣщеніе было масляное, городской бюджетъ ничтоженъ. Все это преобразованное городское общественное управленіе силилось исправить, но безъ большихъ затратъ. Новосельскій отлично понималъ, что съ грошовыми средствами ничего подѣлать нельзя и что городъ, какъ Одесса, имѣющій всѣ задатки широкаго развитія въ будущемъ, можетъ смѣло дѣлать займы на свое улучшение. Убѣдить, впрочемъ, въ этомъ гласныхъ не такъ-то было легко, да и всякія улучшения затрогиваютъ обыкновенно чьи-либо интересы.

Несмотря на страшную оппозицію, клеветы, на рѣзкіе нападки мѣстной печати, Новосельскому, за-

нивъ для города нѣсколько милліоновъ или выдавъ концессіи, удалось устроить въ Одессѣ канализацію, сдѣлать превосходныя мостовыя изъ мѣстнаго гранита съ Буга, освѣтить городъ газомъ, провести изъ Днѣстра водопроводъ, разбить парки и сдѣлать множество другихъ улучшеній. Въ то же время по его настоянію портъ былъ углубленъ, расширенъ казною второе и связанъ желѣзными дорогами.

Въ награду за эти труды Новосельскаго въ заключеніе изъ думы все-таки выжили, но въ концѣ концовъ одесское общество оцѣнило плодотворную дѣятельность покойнаго для города и извѣстіе о его смерти послужило поводомъ для разныхъ сочувственныхъ манифестацій. Несомнѣнно, что Новосельскій былъ барономъ Гаусманомъ Одессы, и можно только пожалѣть, что жители другихъ городовъ, и прежде всего Петербургъ, не имѣли своихъ Новосельскихъ.

Если Новосельскій не усидѣлъ долѣе на мѣстѣ, то потому, что не былъ богатъ, а въ купеческомъ городѣ, какъ Одесса, это необходимо, иначе всякія инсинуаціи принимаются на вѣру, а затѣмъ былъ русскимъ. Одесское же самоуправленіе находилось въ рукахъ грековъ и жидовъ. Русская партія не всегда, впрочемъ, поддерживала Новосельскаго; однимъ изъ его главныхъ антагонистовъ былъ покойный Озмидовъ, извѣстный редакторъ «Новороссій-

скаго Телеграфа», тоже впрочемъ, полезный для Одессы дѣятель.

Покинувъ Одессу и переселившись въ Петербургъ, Новосельскій долгое время не находилъ примѣненія для своихъ талантовъ; онъ занялся критикой финансовой системы Бунге и написалъ нѣсколько сочиненій по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Ему принадлежатъ, между прочимъ, «Соціальныя вопросы въ Россіи», «Средства къ подъему законодательныхъ силъ Россіи», «Объ установленіи единства и стройности денежной системы», «Бѣдны ли мы?» и друг. Большого значенія эти мимолетныя труды не имѣютъ, но въ книгѣ о денежной системѣ едва ли не въ первый разъ онъ разоблачилъ во всей подробности систему «стеллажей» и друг. подвоховъ для игры на курсѣ нашего бѣднаго кредитнаго рубля. Эти разоблаченія послужили потомъ Вышнеградскому матеріаломъ для того, чтобы убитъ означенную вредную для экономическаго благосостоянія Россіи игру.

Г. Витте, который помогать въ этомъ Вышнеградскому, давно зналъ и цѣнилъ Новосельскаго, оказавшаго въ должности городского головы огромныя услуги въ Одессѣ обществу Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ безвозмезднымъ отводомъ большихъ участковъ земли подъ хлѣбныя склады, эстакадную желѣзную дорогу въ портъ, Кузлыницкую

вѣтъ и т. п. Поэтому, ставъ министромъ, онъ назначилъ Новосельскаго членомъ своего совѣта и привлечь къ участию въ разныхъ коммисіяхъ при министерствѣ финансовъ.

Неутомимый Новосельскій и здѣсь не остался празднымъ; онъ помогалъ устройству разныхъ дѣлъ и, между прочимъ, имѣя долгъ казны по устройству Тквибульской вѣтви Закавказской желѣзной дороги, устроилъ Тквибульское каменно-угольное общество. Казенный долгъ погашенъ не былъ, ибо Новосельскій широко въ дѣлахъ практиковалъ извѣстный принципъ, что «имѣть долги и ихъ не платить— все равно, что ихъ не имѣть», и создалось удивительное общество, которое имѣетъ только расходы, но не имѣетъ доходовъ, тѣмъ не менѣе мысль Новосельскаго и въ данномъ случаѣ была вѣрная и я охотно помогалъ Новосельскому въ усиліяхъ поддержать это дѣло. Тквибуль—единственный пунктъ за Кавказомъ, гдѣ имѣется каменный уголь въ большомъ количествѣ. Рано или поздно этому дѣлу предстоитъ блестящая будущность. Въ утѣшеніе же бельгійцевъ, акціонеровъ общества, недовольныхъ убытками, существуютъ извѣстныя русскія пословицы: «и хлѣбъ не безъ крохъ», «гдѣ лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», которыя давно нужно перевести на бельгійскій языкъ.

Гораздо ранѣе Тквибуля Новосельскій оцѣнилъ

будущее значеніе кавказской нефтяной промышленности и устроить по этой части дѣло при содѣйствіи Илимова и одного знаменитаго профессора. По этому поводу рассказываютъ, что въ Парижѣ, на обѣдѣ, данномъ въ честь новаго дѣла, председатель общества началъ свою рѣчь словами: *Monsieur Rémient professeur s'engage...*

— *Comment sans gages?* — прервалъ его знаменитый химикъ, — *avec gages.*

Но и *gages* не помогли. Дѣло не пошло. Въ самое послѣднее время Новосельскій хлопоталъ и, по-видимому, успѣшно объ устройствѣ на Кавказѣ большого металлургическаго предпріятія. Кавказъ, съ его десятью милліонами жителей, не имѣетъ ни одного желѣзнаго завода.

Какъ всѣ люди, чьихъ голова постоянно работаетъ, Новосельскій былъ очень разсѣянъ. Но зато это былъ своего рода *charmeur*; добрейшій и гостепріимнѣйшій, всегда привѣтливый, съ улыбкой, онъ умѣлъ вездѣ, и въ Россіи и за границей, находить себѣ друзей. Апогеемъ его славы было, когда въ Одессѣ онъ торжественно принималъ Лессепса, подписался на акціи Суэцкаго канала и общалъ свое покровительство. Объ этомъ мнѣ говорилъ съ чувствомъ самъ Лессепсъ на открытіи канала.

Любимымъ занятіемъ Николая Александровича

было — съ утра во фракѣ или вицъ-мундирѣ, при звѣздахъ, съ портфелемъ, набитымъ разнымъ проектами, разъѣзжать по нашимъ административнымъ учрежденіямъ. Занятіе прескучное, ибо въ большинствѣ учреждений держатся принципа, высказаннаго однажды, лѣтъ тридцать назадъ, однимъ нашимъ министромъ изъ нѣмцевъ своимъ подчиненнымъ:

— Господа, вездѣ, гдѣ вамъ понадобится мое содѣйствіе, вы получите мое сочувствіе...

А изъ сочувствія. какъ извѣстно, шубы не сошьешь.

III.

Баронъ А. Э. Норденшельдъ.

Съ самаго своего основанія Общество для содѣйствія русской промышленности и торговли, котораго я былъ первымъ секретаремъ, подъ вліяніемъ покойнаго М. К. Сидорова и здравствующаго Н. В. Латкина, очень интересовалось возможностью плаванія по Карскому морю, доказанною вопреки мнѣнію Литке и др. авторитетовъ норвежскими промысловыми судами. О снаряженіи туда для гидрографическихъ изслѣдованій казенной экспедиціи общество настойчиво ходатайствовало, но въ тѣ вре-

мена нашимъ Сѣверомъ совсѣмъ не интересовались: постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ поглощала все вниманіе и публики, и правительства. Поэтому для Общества содѣйствія было очень пріятнымъ сюрпризомъ, когда Адольфъ Норденшельдъ на своемъ «Опытѣ» доказалъ въ 1875 г. возможность постоянного морского сообщенія Европы съ устьями Енисея и Оби.

Когда Норденшельдъ пріѣхалъ въ 1876 г. въ С.-Петербургъ, то мы, т. е. лица, сочувствовавшія устройству воднаго сообщенія съ Сибирью, устроили смѣлому мореплавателю торжественный обѣдъ въ залѣ гостиницы Демуть.

Наканунѣ Сидоровъ пригласилъ насъ къ себѣ вечеромъ потолковать о торжествѣ и угостилъ ужиномъ. На этихъ ужинахъ подавали всегда невѣроятные продукты Сѣвера: рыбу въ разныхъ видахъ и какія-то котлеты или битки изъ кита и тюленя. Никто ихъ не ѣлъ, кромѣ хозяина, фанатика Сѣвера. Когда Сидоровъ говорилъ и писалъ о берегахъ нашего Ледовитаго океана, то можно было подумать, что рѣчь идетъ о Сициліи.

Къ обѣду въ честь Норденшельда я приготовилъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, вы открыли намъ новый торговый путь по морю, но мы и со старыми ну-

тими не знаємъ чò дѣлать, и хотя знаменитый поэтъ сказалъ:

Семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ (Россіи) поютъ хвалебны хоры....

но мы эти моря, выражаясь библейскимъ языкомъ, оставляемъ въ «мерзости запустѣнія»; поэтому вы не повѣрите, м. г., въ какое затрудненіе ставите вы теперь насъ вашимъ открытіемъ».

Конечно пошли споры. Полетика, съ которымъ мы считались тогда наиболѣе популярнымъ въ обществѣ и на разныхъ торжествахъ ораторами. говорилъ: «Валяйте, не обращайтесь ни на кого вниманія». Разные же дипломаты говорили: «Нельзя. батюшка, передъ иностранцами показывать свои язвы». Я смягчилъ рѣчь и далъ ей юмористическій оборотъ, хотя намекъ на вышесказанное остался. Та же нотка сквозила и въ рѣчи Полетики. Были на обѣдѣ и дамы, заинтересовавшіяся почему-то географіей. Сказалъ я и о нихъ нѣсколько шутливыхъ словъ въ особой рѣчи.

Обѣдъ былъ вообще многолюденъ и прошелъ очень оживленно.

Въ 1878 и 1879 гг. Норденшельдъ, какъ извѣстно, совершилъ свое знаменитое плаваніе на «Вега» для открытія Сѣверо-Восточнаго прохода. для чего, выйдя изъ Гетеборга и обогнувъ сѣвер-

ный берегъ Сибири и Чукотскую Землю, возвратился въ Европу черезъ Беринговъ проливъ.

Встрѣченный вездѣ, даже въ Японіи, съ триумфомъ. Норденшельдъ пріѣхалъ въ декабрѣ 1880 г. въ Россію; но въ то время «новыхъ вѣяній» русское общество увлекалось такими вопросами, при которыхъ географическія открытія, самыя смѣлыя, рѣшительно никого не интересовали. На Норденшельда, кромѣ П. П. Семенова и другихъ нашихъ специалистовъ, никто не обращалъ вниманія.

Если нашей публикѣ было простиительно по извѣстному невѣжеству такъ называемой «образованной» части нашего общества (Норденшельдъ не былъ ни итальянскимъ пѣвцомъ, ни спиритомъ-фокусникомъ), то для печати равнодушіе къ ученымъ заслугамъ такого рода цѣльзъ уже ничѣмъ извинить. Были и другіе пробѣды. Такъ, морское министерство, хотя Норденшельдъ открылъ для дѣятельности нашего флота два новыхъ моря, ровно ничѣмъ не проявило своего къ нему вниманія. Немногимъ болѣе усердія показала Академія наукъ. О городской думѣ, на обязанности которой было поднести знаменитому ученому, оказавшему Россіи и человѣчеству огромныя услуги, званіе почетнаго гражданина столицы, я уже не говорю, потому что навѣрное двѣ трети означеннаго собранія не въ силахъ были грамотно написать имя славнаго

путешественника, не то что оцѣнить его ученые труды.

Это очень огорчало покойнаго Э. Л. Нобеля, хотя шведа, но человѣка горячаго и съ увлекающимся темпераментомъ. Онъ старался сдѣлать что-либо для новаго чествованія знаменитаго ученаго, который работалъ хотя и для науки, но главнымъ образомъ на пользу Россіи. Между прочимъ онъ пригласилъ меня пообѣдать съ Норденшельдомъ у себя въ новомъ домѣ, выстроенномъ на Выборгской сторонѣ, на берегу Малой Невки, гдѣ останавливался Норденшельдъ и гдѣ въ честь его и его спутниковъ Стуксберга и Людштрема былъ данъ балъ.

Я нашелъ въ наружности Норденшельда значительныя перемѣны за пять лѣтъ. Онъ какъ будто постарѣлъ, хотя волосы его все еще были бѣлокуры, несмотря на сорокъ восемь лѣтъ. По наружности Норденшельдъ походилъ на нѣмецкаго бурша. Онъ всегда былъ очень скромнымъ и сосредоточеннымъ и точно о чемъ-то все думалъ, какъ подобало привышему къ уединенію полярному путешественнику, но тутъ казался еще болѣе угрюмымъ и мало разговорчивымъ, можетъ быть потому, что разговоръ шелъ все время на французскомъ языкѣ. По-шведски я не зналъ и десяти словъ, а по-русски Норденшельдъ хотя и понималъ, но не говорилъ.

Послѣ обѣда Нобель завелъ со мною разговоръ

о равнодушіи русскаго общества и о томъ, что надобно что-нибудь сдѣлать для Норденшельда и со стороны русскаго правительства. Это было тѣмъ труднѣе, что о награжденіи Норденшельда русскимъ орденомъ нельзя было и думать, въ виду прошлаго Норденшельда.

Онъ былъ русскимъ подданнымъ, ушедшимъ въ шведское послѣ непріятностей политическаго свойства. Какъ извѣстно, отецъ Норденшельда, извѣстный минералогъ, изучавшій между прочимъ нашъ Уралъ, былъ интендантомъ горнаго управленія въ Финляндіи. Молодой Норденшельдъ, только что окончивъ курсъ и занимая должность чиновника горнаго управленія, во время Крымской войны, когда Швеція, подъ вліяніемъ Франціи, заключила тайный договоръ и готова была объявить намъ войну, произнесъ враждебную по отношенію къ Россіи рѣчь. Графъ Бергъ, тогдашній финляндскій генералъ-губернаторъ, взявъцудъ на это дѣло серьезно и приказалъ ему оставить службу.

Въ 1857 г. съ Норденшельдомъ произошла новая «исторія». Онъ готовился занять въ гельсингфорскомъ университетѣ кафедру минералогіи и геологіи, но предварительно желалъ съѣздить въ Камчатку. Университетская молодежь справляла въ это время такъ называемую «промоцію». Желая выразить свою признательность Швеціи, онъ за

однимъ изъ обѣдовъ провозгласилъ тостъ «за милое прошлое и за оставшуюся надежду». Поэтъ Сигнеусъ протестовалъ. Графъ Бергъ, узнавъ о тостѣ Норденшельда, предложилъ ему или извиниться, или покинуть край. Норденшельдъ избралъ послѣднее и переѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ сдѣлался двадцати шести лѣтъ отъ роду профессоромъ при Стокгольмской академіи наукъ и завѣдующимъ минералогическими коллекціями государственнаго музея.

Такое милое прошлое мало располагало Норденшельда украшать себя русскими орденами. Надо было придумать что-либо другое для его отличія.

Послѣ обѣда у Нобеля я былъ случайно у графа Лорисъ-Меликова, у котораго братъ мой просиживалъ буквально цѣлые дни, а частенько и ночи. Я разсказалъ графу о Норденшельдѣ, о которомъ онъ, прослуживъ всю жизнь на Кавказѣ, имѣлъ, конечно, самое смутное понятіе.

— Не люблю я, братецъ, твоихъ чухонцевъ, — сказалъ мнѣ графъ. — Вотъ и недавно только мнѣ удалось, вмѣстѣ съ Милютинымъ, отстоять противъ финляндцевъ часть Архангельской губерніи. Государь обѣщалъ Шернвалю и Адлербергу присоединеніе западной части Мурмана къ Улеаборской губерніи и очень неохотно уступилъ нашимъ настояніямъ.

— Это вы хорошо сдѣлали, сказалъ я, — хотя

конечно въ нашихъ рукахъ Варенгерскій заливъ все будетъ на точкѣ замерзанія, а финляндцы навѣрное устроили бы тамъ живое дѣло, какъ доказываютъ сосѣдніе норвежскіе порты. Во всякомъ случаѣ Норденшельдъ не простой чухонецъ, а новый Христофоръ Колумбъ. Открытый имъ морской путь вокругъ Камчатки имѣетъ громадное значеніе для Россіи и рѣшаетъ вѣковой вопросъ, который интересовалъ всѣхъ еще въ XVI столѣтіи.

Слова эти подѣйствовали на графа. Онъ позвалъ меня черезъ нѣсколько дней и сказалъ:

— Я говорилъ о твоёмъ Христофорѣ Колумбѣ государю. Онъ очень заинтересовался и приказалъ пригласить его къ обѣду, такъ какъ я передалъ, что Норденшельдъ орденовъ не принимаетъ. Только, братецъ, покажи мнѣ на картѣ, гдѣ твой чухонецъ плавалъ. Я совсѣмъ ничего этого не знаю и боюсь за обѣдомъ сидѣть дуракомъ.

Съ великимъ трудомъ я отыскалъ у министра карту Сибири, какую-то старую учебную карту. Графъ, вѣроятно, не видалъ карты Сибири со дня своего выпуска изъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и съ трудомъ по ней ориентировался. Я подробно рассказалъ о трехъ экспедиціяхъ Норденшельда въ Сибирь. Описаніе, какъ Норденшельдъ провелъ, затертый льдами, девять мѣсяцевъ у Питлекая, заинтересовало его.

— Вотъ с... с... молодецъ, — сказалъ графъ. — Такъ ты говоришь, что это новый Колумбъ?

Все исполнилось, какъ говорилъ графъ. Норденшельдъ удостоился высокоѣ чести обѣдать съ императоромъ Александромъ II *en intimité* и быть имъ обласканнымъ. Приѣмъ, оказанный покойнымъ государемъ, по любезности превзошелъ, по словамъ Норденшельда, приѣмъ всѣхъ другихъ вѣнценосцевъ въ Европѣ. Государь былъ знакомъ съ сущностью открытій знаменитаго путешественника, а познанія на этотъ счетъ наслѣдника, впоследствии императора Александра III, даже поразили барона Норденшельда. Великіе князья Алексѣй Александровичъ и Константинъ Николаевичъ также съ своей стороны выказали барону вниманіе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ обѣда появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, что русское правительство изъявляетъ Норденшельду признательность за оказанныя Россіи услуги.

За мои хлопоты я получилъ отъ Нобеля на память фарфоровую тарелку, цѣною такъ копѣекъ въ двадцать пять, сдѣланную на заводѣ въ Кёрштрандѣ, на которой нарисованы портреты Норденшельда и Паландера, а также Оскара Диксона и Александра Сибирикова, давшихъ деньги на экспедицію «Вери». Тарелка хранится у меня и теперь.

IV.

Н. М. Барановъ.

Съ Н. М. Барановымъ я поближе познакомился въ 1873 г., когда онъ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта устраивалъ морской отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ. Онъ завѣдывалъ тогда морскимъ музеемъ и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, какъ офицеръ парохода «Таврида» Русскаго общества пароходства и торговли, какъ учредитель общества «Гидротехникъ», разорившагося на очисткѣ Кронштадтскаго порта, и особенно какъ изобрѣтатель скорострѣльнаго ружья (6-линейная передѣланная старая пѣхотная винтовка), которымъ вооружались морскія команды.

Изобрѣтеніе было сдѣлано въ моментъ, когда въ концѣ 60-хъ годовъ выяснилась наша отсталость въ вооруженіи. Этимъ воспользовались разные лица для созданія оппозиціи и по военному, и по морскому вѣдомствамъ. Оппозиція сблизила изобрѣтателя съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и была началомъ дальнѣйшихъ служебныхъ успѣховъ и неудачъ Баранова, познавшаго, что за народецъ живетъ на петербургскихъ болотахъ.

Въ это время реформаторская дѣятельность мор-

ского вѣдомства значительно ослабѣла и главную роль игралъ тамъ адмиралъ Поповъ со своими неудачными судами береговой обороны. Барановъ понималъ бесплодность поповокъ, его возмущало равнодушіе къ судьбамъ флота, и въ рядѣ статей въ «Голосѣ» онъ развивалъ новый планъ реорганизаціи нашего флота; планъ этотъ потомъ вылился въ цѣльный проектъ.

Барановъ весьма наглядно доказывалъ, что какъ бы ни была прочна броня на суднѣ, а все-таки твердь земную прострѣлить еще труднѣе, а потому не стоитъ для защиты какого-либо Очакова имѣть покрытый бронею флотъ изъ судовъ, стоющихъ каждое 4—6 мил. рублей, когда двѣ-три земляныя батареи и нѣсколько торпедъ произведутъ тотъ же эффе́ктъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Барановъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто броненоснаго флота, обходящагося невыносимо дорого и никогда не плавающего, — почему морскія команды, при краткихъ срокахъ службы, вовсе лишены возможности ознакомиться съ моремъ, — гораздо для Россіи выгоднѣе строить быстрыя сильныя крейсерскія суда, которыя, имѣя базисомъ наши порты Восточнаго океана, могли бы разорять въ случаѣ войны колоніи и ловить и уничтожать торговые флоты противниковъ.

Не нужно думать, что идея крейсерской войны

составляла изобрѣтеніе Баранова, какъ и скоро-
стрѣльная винтовка. Она давно существовала и еще
въ 1856 г., когда наши дипломаты по недомыс-
лію или слабости подписали Парижскую деклара-
цію о каперствѣ, раздались протесты среди моря-
ковъ. Въ 60-хъ и 70 гг. было много писано на
ту же тему. Я лично написалъ немало и даже при-
думалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, какъ о томъ
какъ-то уже сообщалъ, названіе новому корсарскому
флоту «добровольнаго». Во всякомъ случаѣ К. П. По-
бѣдоносцеву и Баранову принадлежитъ честь прак-
тического осуществленія идеи крейсерской войны
и первой бреши въ Парижской деклараціи.

Первые шаги однако не скажу, чтобы были
удачны. Когда мы захотѣли для войны съ Англіей
завести наскоро крейсерскій флотъ, то Баранову
было поручено въ апрѣлѣ 1878 г. купить подхо-
дящіе пароходы. Онъ и купилъ ихъ въ Гамбургѣ
у Гамбургско-Американской компаніи. Но пароходы
эти: «Россія», «Москва», «С.-Петербургъ» и осо-
бенно «Нижній-Новгородъ» были выбраны неудачно,
недостаточно быстроходны, и я убѣжденъ, что въ
случаѣ дѣйствительной войны они принесли бы
не много пользы. Да и по результатамъ Берлин-
скаго трактата видно, что англичане ихъ не много
испугались.

Еще ранѣе организаціи Добровольнаго флота Ба-

рановъ хотѣлъ доказать пользу крейсерской войны, и подъ командою его два наскоро снаряженныхъ крейсера: «Веста» и «Россія» совершили въ Восточную войну на Черномъ морѣ два подвига: первая боролась съ турецкимъ броненосцемъ, вторая— взяла въ призь турецкій пароходъ «Мерсину» съ цѣлымъ таборомъ солдатъ.

Бой «Весты» подъ бойкимъ перомъ Баранова обратился въ нѣчто гомерическое и упрочилъ ему навсегда титулъ «героя Весты». Портреты его появились на коробкахъ для спичекъ и плиткахъ шоколада, что, какъ извѣстно, есть предѣлъ человеческой популярности. Во время войны, конечно, этой популярности никто не оспаривалъ и не полемизировалъ съ официальнымъ рапортомъ, но послѣ войны не было надобности въ искусственномъ подъемѣ духа, и попытки выяснить и освѣтить дѣло «Весты» и развѣнчать героя начались немедленно. Эти попытки были къ тому же на руку тѣмъ, кого нещадно обличалъ въ своихъ статьяхъ и разговорахъ Барановъ.

Въ 1874 г. я плавалъ на «Вестѣ» изъ Батума (тогда турецкаго) въ Константинополь и описалъ это плаваніе. «Веста» было старое дрянное деревянное судно, очень медленнаго хода. Зная его размѣры и качества, я всегда сильно сомнѣвался, чтобы оно могло разгромить броненосецъ, хотя бы

турецкій. На «Вестѣ» былъ волонтеромъ мой пріятель съ дѣтства одесситъ Джевецкій, онъ получилъ даже Георгіевскій крестъ. Я спрашивалъ его, какъ было дѣло, но онъ дипломатично уклонился, сказавъ, что находился въ крѣпости-камерѣ, подавая порохъ и снаряды, и, что дѣлалось наверху, какъ-будто не видалъ.

Истина открылась въ статьяхъ ближайшаго помощника Баранова, З. П. Рожественскаго. Хотя уйти отъ броненосца составляло для «Весты» подвигъ не меньшій того, который совершилъ «Меркурій» Казарскаго, ускользнувшій отъ трехъ турецкихъ фрегатовъ, но что въ рапортъ Баранова вкралась нѣкоторая доля поэзіи, стало ясно. Онъ очень огорчился, видя въ разоблаченіяхъ интриги морского вѣдомства; въ своей защитѣ зашелъ такъ далеко, что пришлось подвергнуть его, въ декабрѣ 1879 г., суду и снять съ него флигель-адъютантское званіе. Рѣчь Баранова на судѣ была блистательна, особенно сарказмы противъ Аркаса, главнаго командира Черноморскаго флота.

Вынужденная отставка заставила Баранова посвятить себя исключительно дѣлу Добровольнаго флота.

Въ концѣ 1870 г. я прочелъ въ газетахъ объявленіе, что этотъ флотъ, чтобы утилизировать купленные Барановымъ пароходы, предполагаетъ открыть рейсы въ Приморскую область Восточной Сибири

съ заходомъ въ японскіе и китайскіе порты. Вспомнивъ, что въ 1871 г. я ходилъ съ первымъ русскимъ пароходомъ, открывавшимъ рейсы въ Остъ-Индію, я отправился къ Баранову и предложилъ ему идти на «Москвѣ», чтобы описать новые для Россіи торговые пути. Барановъ горячо принялся хлопотать о моей командировкѣ и отъ Добровольнаго флота и со стороны министерства финансовъ. Къ сожалѣнію, на пароходѣ капитанъ оказался порядочнымъ формалистомъ. Я былъ не совсѣмъ доволенъ плаваніемъ и предпочелъ изъ Ханькоу уйти на китайскомъ пароходѣ; въ моихъ письмахъ съ дороги сквозила ироническая нотка. Это очень разсердило Баранова, ожидавшаго панегирика. А между тѣмъ онъ былъ защитникомъ свободы слова и въ бытность губернаторомъ повторялъ корреспондентамъ: «Пишите, пишите, что все въ моей губерніи худо и что я плохъ».

На свѣтѣ, впрочемъ, не много любящихъ свободу слова. Въ оправданіе Баранову прибавлю, что и Петръ Великій былъ великимъ врагомъ печати и даже издалъ для гамбургской торговли стѣснительныя постановленія, пока бургомистры не попросили прощенія и не обѣщали наказать виновныхъ «газетыровъ».

По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго путешествія я засталъ Баранова уже полковникомъ. Гр. Ло-

рисъ-Меликовъ исходатайствовалъ ему помилованіе и опредѣленіе на службу. Барановъ только что вернулся изъ-за границы, куда графъ посылалъ его для переговоровъ съ префектомъ полиціи Андриѣ объ устройствѣ надзора за нигилистами за границую. Вскорѣ послѣ того Барановъ былъ назначенъ ковенскимъ губернаторомъ, гдѣ получилъ генеральскій чинъ и немедленно началъ войну противъ института урядниковъ, созданнаго Маковымъ.

Немедленно послѣ гнуснаго злодѣянія 1-го марта Барановъ былъ вызванъ въ Петербургъ; ему были поручены чрезвычайно важныя въ тотъ моментъ посты начальника столицы. Графъ Лорисъ-Меликовъ быстро сошелъ затѣмъ со сцены и былъ замѣненъ графомъ Игнатьевымъ, а Барановъ оставался въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ градоначальникомъ. Въ паденіи Лориса-Меликова Барановъ игралъ роль, о которой говорить еще не настало время. Во всякомъ случаѣ онъ послѣдовалъ принципу Ларошфуко, что *l'ingratitude est l'indépendance du coeur*.

На новомъ посту Барановъ заставилъ много говорить о себѣ, хотя управленіе столицей эпизодъ не изъ лучшихъ въ его разнообразной карьерѣ. Немедленно по вступленіи въ должность онъ произвелъ помощью обхода полиціи по домамъ избра-

ніе совѣта при градоначальникѣ, такъ называемаго «совѣта двадцати пяти», цѣль учрежденія котораго осталась не исполнѣ разъясненною. Совѣтъ, въ коемъ наибольшее число голосовъ получили Треповъ и Е. И. Ламанскій, послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ засѣданій, болѣе не собирався. Такъ какъ объявленіе о выборѣ совѣта кончалось словами: «избрать совѣтъ двадцати пяти. Барановъ», то остряки прозвали его «совѣтомъ двадцати пяти барановъ». Потомъ были учреждены вокругъ города заставы и осмотры на желѣзныхъ дорогахъ, просуществовавшіе лишь два или три дня. Далѣе, нанята обширная гостиница «Бель-Вю» для помѣщенія состоящихъ при градоначальникѣ лицъ и наконецъ измѣнена форма обмундированія чиновъ полиціи въ русскомъ вкусѣ.

Рядомъ съ этимъ были употреблены энергическія мѣры для отысканія минъ, положенныхъ подъ Каменнымъ мостомъ и розыскивавшихся передъ тѣмъ уже четыре мѣсяца. Отысканіе минъ повело къ изданію Барановымъ распоряженія, запрещавашаго кататься въ лодкахъ по каналамъ и рѣчкамъ Петербурга въ главныхъ частяхъ города. Наша дума хотѣла было протестовать, но затѣмъ уступила.

Послѣ мѣръ государственной полиціи новый градоначальникъ пожелалъ преобразовать фабрично-за-

водскую полицію. Это гуманное преобразованіе остановилось за тѣмъ препятствіемъ, что фабричная инспекція составляетъ предметъ общегосударственный, а не одного лишь Петербурга. Последнее распоряженіе Баранова, которое нельзя не одобрить и которое уже отмѣнено, состояло въ разрѣшеніи посѣщать Лѣтній садъ людямъ въ простонародномъ платьѣ.

Таковы главныя черты управленія Барановымъ. Я забылъ прибавить еще, что, завѣдывая столицей, Барановъ разѣзжалъ по городу въ качалкѣ, напоминающей экипажъ Карла XII подъ Полтавой.

Оба одинаково честолюбивые, и Барановъ и его новый министръ, не могли ужиться долго вмѣстѣ. Барановъ имѣлъ свой докладъ у Государя, въ этомъ была его сила, но это его и погубило. Въ то время продолжали волноваться уральскіе казаки изъ-за отмѣны «наемки»; даже переселенные частью на Аму-Дарью, они посылали постоянно депутаціи, которыя по весьма понятнымъ причинамъ не допускались. Одну изъ такихъ депутацій Барановъ, не предупредивъ министра, свезъ въ Гатчину.

Въ результатъ получился для него весьма непріятный сюрпризъ. Приѣхавъ какъ-то въ іюль 1881 года къ моему брату въ канцелярію, онъ нашелъ тамъ вызваннаго изъ Москвы Козлова. Оказалось, что уже былъ написанъ и посланъ для под-

писи именной указъ объ упраздненіи въ С.-Петербургѣ градоначальства и возстановленіи должности оберъ-полиціймейстера.

Этимъ политическая роль Баранова сразу и навсегда обрывалась. Ему было предложено ѣхать губернаторомъ въ Архангельскъ, что считалось въ прежнее время почетною ссылкой. Губернія эта прежде всегда управлялась морякомъ. Барановъ полагалъ, что послѣ двадцати пяти-лѣтняго управленія чиновниками, — исключеніе изъ нихъ былъ Качаловъ, также бывший морякъ, — надо было что-нибудь сдѣлать для Сѣвернаго края. Онъ и принялся горячо за дѣло. Пробывъ сто дней губернаторомъ, онъ объѣхалъ обширную губернію, съѣздилъ даже на Мурманъ и, перерывъ губернской архивъ, вытащилъ на свѣтъ сто забытыхъ проектовъ, которые и представилъ въ Петербургъ, о чемъ и оповѣстилъ въ газетахъ.

Эти новые «Сто дней» я описалъ въ сатирической характеристикѣ нашихъ дѣятелей-реформаторовъ, которая по разнымъ соображеніямъ не могла явиться въ «Новомъ Времени», а теперь затерялась. Оказалось однако, что въ сатирѣ и надобности не было. Ни одинъ изъ проектовъ Баранова не осуществился, всѣ застряли въ канцелярской тинѣ. Онъ позабылъ о свойствахъ петербургскихъ чиновниковъ давать проектамъ «вылеживаться»,

какъ хорошимъ гаванскимъ сигарамъ, а новый министръ графъ Толстой, требовавшій отъ гимназистовъ энергіи и прилежанія, отличался страшною лѣнью и апатіей.

Толстой, впрочемъ, не помѣшалъ вытащить Баранова изъ архангельской ссылки и перевести его въ Нижній-Новгородъ, который благодаря ярмаркѣ всегда считался чуть ли не самымъ виднымъ мѣстомъ для губернатора.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ я два раза посѣтилъ Баранова, въ 1893 и 1895 гг., и останавливался у него на квартирѣ на ярмаркѣ. Добрыя отношенія наши возстановились. Онъ жилъ просто, ѣлъ и пилъ очень скромно, но постоянно толпа его чиновниковъ пользовалась его гостепріимствомъ. И за обѣдомъ и завтракомъ Барановъ былъ очень разговорчивъ и поучалъ своихъ подчиненныхъ и случайныхъ гостей съ откровенностью моряка и журналиста. Видя, что я морщился отъ его плохого вина, онъ сказалъ:

— Все въ жизни продѣлалъ, одно никогда не было въ силахъ сдѣлать—это заплатить свои долги. Потому и вино плохое.

Въ Нижнемъ онъ старался разыгрывать роль Гаруна-аль-Рашида или какого-либо прогрессивнаго паши, мѣняя съ поразительною быстротою мѣры либеральныя на мѣры строгости. Изъ-за не-

урожаю онъ завелъ войну съ земствомъ, за что однако одобренія отъ князя Мещерскаго не получилъ. Въ холеру онъ хотѣлъ кого-то повѣсить, кого-то выпоротъ и силою заставилъ быть слугою въ холерной больницѣ, вообще искалъ эффекта и популярности.

Онъ преобразовалъ управленіе Нижегородскою ярмаркою, но послѣднее въ рукахъ московскихъ толстосумовъ, признающихъ только мѣшки съ деньгами, почему Барановъ съ его скромными средствами не имѣлъ достаточно авторитета, чтобы воевать съ ними. За москвичей стояли силы поважнѣе Баранова.

Онъ принималъ дѣятельное участіе въ успѣхѣхъ Нижегородской всероссійской выставки, этой странной затѣи, стоившей казнѣ и частнымъ лицамъ болѣе двадцати милліоновъ и собравшей, при всѣхъ льготахъ въ проѣздѣ публики, за полгода въ два раза менѣе, чѣмъ въ Парижѣ на выставкѣ собиралось ее въ одинъ воскресный день.

Тутъ въ послѣдній разъ проявилась ловкость Баранова. На выставку комиссаромъ былъ назначенъ его старинный соперникъ еще по Черноморскому обществу, Кази. Не ужились два медвѣдя въ одной берлогѣ, и Кази долженъ былъ ретироваться.

При назначеніи Баранова въ Сенатъ отъ него осталась одна тѣнь. Здоровье его совсѣмъ разстроилось. Сгорая честолюбіемъ, онъ въ мелкой административной дѣятельности сварился, такъ сказать, въ собственномъ соку. Я иногда встрѣчалъ его въ послѣдніе мѣсяцы у Кюба за завтракомъ, и каждый разъ наружность его показывала полный упадокъ организма.

Барановъ былъ натура замѣчательно талантливая, горячая, энергическая, но слишкомъ нервная. Нервность видна была и на его лицѣ, имѣвшемъ восточный типъ. Предки его хотя были дворянами уже въ началѣ XVII столѣтія, но по всей вѣроятности происходили, какъ и предки графовъ Барановыхъ, отъ татаръ. Умный и добрый, онъ хорошо говорилъ и писалъ. Если однако резюмировать его дѣятельность, то останется немного,—болѣе шума и полемики, чѣмъ настоящаго дѣла.

Трудно сказать, отчего это происходило. В. С. К., знавшій его близко, называетъ Баранова неудачникомъ. Едва ли однако кому-либо случалось въ жизни быть въ такомъ «случаѣ». Фельетонистъ одной московской газеты говорить въ своихъ воспоминаніяхъ, что Барановъ былъ солдатъ, хитростей и политики-де онъ не признавалъ, а понималъ только борьбу грудь съ грудью; «Барановъ,—прибавляетъ онъ,—былъ не прожекторъ, а испол-

нитель, и вѣрилъ въ человѣка, особенно въ русскаго человѣка».

И эта характеристика едва ли вѣрна. У Баранова не было самообладанія и подчасъ онъ зарывался, но въ «тонкости политики» нельзя было ему отказать. Я думаю, что неудачи Баранова зависѣли не столько отъ того, что у насъ вообще нѣтъ мѣста талантливымъ людямъ и все оригинальное возбуждаетъ зависть и преслѣдуется, а отъ того, что у него, какъ вообще у талантовъ, особенно русскихъ, не доставало свинца въ поясницѣ, или *Sitzfleisch*, по выраженію нѣмцевъ, необходимыхъ для настойчиваго и послѣдовательнаго труда. Энергія его была порывистая, показная, театральная. Я убѣжденъ, что если бы вмѣсто карьеры моряка и администратора, въ которыхъ онъ все-таки оставилъ замѣтный слѣдъ, Барановъ случайно сдѣлался актеромъ, то пошелъ бы далеко. У него были для того и талантъ, и гибкость голоса, и чутье эффектовъ.

V.

М. Н. Островскій.

Извѣстіе о назначеніи гр. Игнатьева министромъ внутреннихъ дѣлъ, а М. Н. Островскаго министромъ государственныхъ имуществъ въ мартѣ 1881 г. было для меня не очень пріятно. Графъ

Игнатъевъ оставался министромъ всего шесть недѣль, смѣнивъ кн. Ливена, которому я многимъ былъ обязанъ и который и ко мнѣ былъ чрезвычайно любезенъ. Графа Николая Павловича я зналъ также давно и служить съ нимъ было очень пріятно. Онъ работалъ быстро и не задерживалъ дѣлъ. Положеніе о горнозаводскихъ товариществахъ двадцать лѣтъ лежало не утвержденнымъ, ни одинъ министръ не имѣлъ терпѣнія прочесть его и не утверждалъ, боясь, что какая-нибудь статья окажется не на мѣстѣ; я послалъ положеніе Игнатъеву, и онъ утвердилъ его на другой же день. Не знаю, прочелъ ли онъ положеніе, но оно съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ благополучно дѣйствуетъ.

Островскаго я зналъ только по наслышкѣ, и такъ какъ онъ служилъ въ контролѣ, то представлялся неизвѣстно почему сухимъ и придиричивымъ формалистомъ. При первомъ представленіи чиновъ министерства, хотя товарищъ министра г. Куломзинъ далъ лестную обо мнѣ аттестацію, сказавъ, что я не нуждаюсь въ рекомендаціи, ибо мое имя извѣстно, Островскій холодно протянулъ руку.

Но неблагоприятное впечатлѣніе быстро перемѣнилось. Ничего черстваго, контрольнаго и формалистическаго въ Островскомъ не было. Онъ оказался прекраснѣйшимъ, благодушнѣйшимъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ и справедливымъ и доб-

рымъ начальникомъ; холодность его была напускная, на дѣлѣ онъ былъ человѣкъ сердечный и участливый.

Я уже дѣлалъ въ «Новомъ Времени» характеристику государственныхъ заслугъ Островскаго по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея; я написалъ также нѣсколько словъ по случаю его смерти. Поэтому вновь перечислять эти заслуги не буду, да для того нужно написать исторію министерства государственныхъ имуществъ за двѣнадцать едва ли не лучшихъ лѣтъ его дѣятельности. А очень жаль, что никто этой исторіи не издалъ, потому что самъ Островскій былъ врагъ всякой рекламы и всякой позы, а для современнаго общества нѣтъ славы для государственнаго человѣка безъ нѣкоторой порціи шарлатанства.

Для горной администраціи и горнаго законодательства послѣ полнаго равнодушія Рейтерна и пустословія Валуева спокойная дѣловитость Островскаго была находкою.

Я хочу описать Островскаго только съ чисто внѣшней стороны. Мелочи скоро забываются, а такихъ людей, какъ Островскій, слѣдуетъ знать со всѣхъ сторонъ, хотя бы были у нихъ слабыя стороны. Были они и у Островскаго, хотя скорѣе не слабыя стороны, а причуды стараго холостяка и *malade imaginaire*.

Въ характерѣ его было также много женственнаго и сентиментальнаго; онъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ выбиралъ людей, любилъ будировать, любилъ музыку. По его рассказамъ, онъ въ молодости аккомпанировалъ даже въ концертѣ какому-то профъжнему артисту въ Симбирскѣ; особенно онъ любилъ играть на фортепіано въ четыре руки, а по вечерамъ мечтать.

Воображая себя постоянно больнымъ, Островскій ужасно берегъ свое здоровье, ѣлъ только то, что разрѣшалъ ему докторъ, и чуть казалось, что ему хуже, онъ уже говорилъ не иначе, какъ вполголоса и лежалъ по цѣлымъ часамъ въ своемъ кабинетѣ, наполненномъ книгами, на диванѣ, покрывъ ноги пледомъ.

— Не утомляйте меня подробностями, говорилъ онъ постоянно докладчикамъ.

Это едва ли не онъ и выдумалъ вопросъ о «переутомленіи министровъ», одно время подробно разрабатывавшійся въ «Гражданинѣ» кн. Мещерскимъ.

Почти передъ каждымъ еженедѣльнымъ докладомъ являлся отъ него курьеръ и предупреждалъ, что министръ очень утомленъ-съ и просятъ докладывать только самыя нужнѣйшія дѣла, а другія отложить.

Но никто на это вниманія не обращалъ и Ост-

ровскій терпѣливо выслушивалъ длиннѣйшіе доклады, сохраняя свѣжесть и ясность мыслей.

Какъ-то по возвращеніи его въ столицу (онъ почти ежегодно ѣздитъ въ Карлсбадъ и затѣмъ въ Крымъ), я поспѣшилъ явиться съ бумагами, ждавшими его возвращенія.

— Помилуйте, я утомленъ, еще не отдохнулъ, а вы ужъ съ вашими докладами.

— Да вѣдь ваше высокопревосходительство отдыхали два мѣсяца.

— Да, но я утомился переѣздомъ по желѣзной дорогѣ.

Особенно онъ не любилъ внезапныхъ докладовъ по сѣшнымъ дѣламъ, которыхъ въ каждомъ департаментѣ не мало. Это его всегда чрезвычайно волновало.

— Что такое случилось, навѣрно какое-либо несчастіе? — съ испугомъ говорилъ онъ. — Говорите скорѣе...

Всѣ бумаги должны были посылаться къ нему никакъ не позже 5 часовъ и онъ аккуратно возвращалъ ихъ съ своими резолюціями или подписями на другое утро, никогда не задерживая. Въ 5 часовъ отпускалъ онъ и дежурныхъ чиновниковъ и вечеръ проводилъ въ самомъ небольшомъ кругу старыхъ московскихъ друзей: Оеоктистова, Любимова, Архипова, ихъ же онъ приглашалъ и обѣдать.

Своимъ «утомленіемъ» Островскій пользовался иногда какъ Сикстъ V костылями. Нерѣдко, когда надобно было ему оспаривать какое-либо разногласіе, и онъ ожидалъ споровъ и преній, то чувствовалъ утомленіе, боли и писалъ мнѣ письма съ просьбою доложить дѣло товарищу министра, который его замѣнитъ-де въ засѣданіи.

Бѣдный товарищъ, которому приходилось иногда знакомиться съ дѣломъ, часто спеціальнымъ, за полчаса до засѣданія, понятно, защищать его достаточно твердо не могъ и возвращался съ извѣстіемъ, что все прошло благополучно, но первый параграфъ проектируемаго закона нашли излишнимъ, второй отвергли, а третій постановили возвратить въ департаментъ для передѣлки.

— Да всѣхъ-то параграфовъ въ проектѣ было три. Такъ что же остается?

— Ну, это ваше дѣло, можете при новомъ представленіи придумать новые аргументы.

Впрочемъ Островскій скорѣе былъ мнительнымъ, чѣмъ боязливымъ. Если онъ въ чемъ-либо убѣждался, то очень настойчиво проводилъ свои проекты, говорилъ очень краснорѣчиво, даже горячо и обыкновенно съ успѣхомъ. Въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ онъ пользовался авторитетомъ. Государь также очень уважалъ его и поручалъ даже личные дѣла, напримѣръ покупку крымскихъ во-

ронцовскихъ имѣній. Законъ объ охранѣ лѣсовъ, ограничивающій произволъ частныхъ собственниковъ, потребовалъ отъ Островскаго не мало рѣшительности и останется его крупною государственною заслугою.

Я лично испыталъ по одному серьезному вопросу и ясность мыслей, и твердость характера Островскаго. Въ 1877 г. было издавъ въ высшей степени неудовлетворительный, хотя и гуманный законъ о надѣлѣ горнозаводскихъ крестьянъ. Тринадцать лѣтъ билось горное вѣдомство съ примѣненіемъ этого закона, совершенно не согласованнаго съ культурными условіями Урала, и ничего подѣлать не могло, думать же объ измѣненіи такого органическаго закона никто не рѣшался.

Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, лѣтомъ 1890 г. я попросилъ у Островскаго позволенія пріѣхать къ нему на дачу на Аптекарскій островъ и здѣсь утромъ со свѣжею головою онъ выслушалъ мой докладъ.

Онъ быстро убѣдился въ несостоятельности закона, весьма сложнаго и спеціальнаго, и черезъ короткое время дѣйствіе закона было остановлено черезъ комитетъ министровъ, а теперь, десять лѣтъ спустя, законъ переработанъ и вновь республикованъ. Это рѣдкій случай исправленія въ крестьянской реформѣ.

Изъ современныхъ государственныхъ людей Островскій очень уважалъ г. Побѣдоносцева, которому былъ, говорятъ, обязанъ мѣстомъ министра; онъ высоко ставилъ таланты Абазы, которому былъ также многимъ обязанъ въ предшествовавшей государственной карьерѣ, восторгался энергіей Вышнеградскаго, цѣнилъ высоко г. Плеве, но почему-то недолюбливалъ Филиппова, котораго между тѣмъ самъ выдвинулъ въ контролѣ. Онъ очень былъ недоволенъ, что въ моей книгѣ «Наши государственные и общественные дѣятели» я приписалъ Тертію Ивановичу командировку въ 80-хъ годахъ на Донъ и Азовское море для изслѣдованія быта населенія, изъ котораго комплектуется военный флотъ, когда это сдѣлалъ другой Филипповъ, давно умершій молодой литераторъ, и просилъ непременно исправить ошибку въ третьемъ изданіи книги.

Островскій былъ горячимъ патріотомъ и, какъ москвичъ, недолюбливалъ иностранцевъ и инородцевъ, даже доктора онъ желалъ имѣть съ русской фамиліею; всѣ ограничительные противъ иностранцевъ, а равно противъ евреевъ мѣропріятія, изданныя съ 1880 гг., онъ энергически поддерживалъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вообще онъ былъ консерваторомъ по убѣжденіямъ, хотя безъ всякой реакціонной закваски и съ уваженіемъ къ наукѣ и техникѣ.

При уклончивости и нежеланіи брать на себя отвѣтственность, онъ, конечно, не вполне годился для управленія вѣдомствами, гдѣ на первомъ мѣстѣ обширное казенное хозяйство, которое онъ въ принципѣ хотѣлъ даже расширить. Это былъ человѣкъ чисто кабинетный и главнымъ образомъ мужъ совѣта. Онъ не любилъ, чтобы его спрашивали, какъ лучше поступить въ извѣстномъ дѣлѣ.

— Вы скажите ваше мнѣніе,—говорилъ онъ робкому начальнику отдѣленія, а я тогда подумаю и выскажу свое.

Разногласій онъ не любилъ. Случалось, что, если происходили разногласія въ горномъ совѣтѣ, онъ назначалъ по тому же дѣлу соединенное засѣданіе совѣта и горного ученаго комитета; если и тамъ происходили разногласія, то дѣлалъ соединенныя собранія этихъ учреждений съ совѣтомъ министра. Понятно, съ увеличеніемъ числа спорщиковъ разногласіе только усиливалось и Островскій не могъ отклониться отъ выбора мнѣнія.

Колебаніе происходило только отъ нежеланія брать на себя отвѣтственность, въ дѣйствительности при столкновеніи мнѣній никто не умѣлъ такъ ясно резюмировать противорѣчія и найти среднее справедливое рѣшеніе. За это мы звали его въ шутку Соломономъ; онъ навѣрное былъ бы отличнымъ судьей въ Англіи, гдѣ судьи рѣшаютъ

дѣла по собственному убѣжденію и обычаю, а не по кодексу.

Въ личныхъ отношеніяхъ онъ казался холоднымъ и сухимъ, но это было притворство стараго холостяка и нежеланіе волноваться и утомлять себя. Напротивъ, рассказы о чѣмъ-либо дѣйствительномъ горѣ вызывали слезы на его глазахъ, и онъ никогда не отказывалъ въ помощи, хотя и здѣсь бывалъ нерѣшителенъ и недовѣрчивъ. Такъ, колеблясь въ достоинствѣ кандидатовъ, онъ ежегодно дѣлалъ сбереженія въ суммѣ, находящейся въ его распоряженіи для арендныхъ выдачъ и въ числѣ наградъ.

Моменты, когда нужно было рѣшать пріемъ въ учебныя заведенія министерства и отказывать, были истиннымъ для него мученіемъ. Онъ радовался, кажется, не меньше разныхъ маменекъ, когда ему бывало доложишь, что принять лишняго кандидата можно, по оригинальному, чисто русскому соображенію, что такъ какъ студенты все равно на лекціи не ходятъ, то мѣсто въ аудиторіяхъ отыщется. Впрочемъ, боясь эмоціи и не любя протекцій, онъ во время экзаменовъ обыкновенно уѣзжалъ, особенно послѣ того, какъ получилъ разъ отъ одной высокопоставленной дамы депешу объ уволенномъ студентѣ (за котораго она по добротѣ души, конечно, просила, въ глаза не выдавъ): *cet enfant m'intéresse,*

а «дитя» оказалось дѣтиною 35 лѣтъ съ огромнымъ бакенбардамъ!

По мягкости характера онъ не любилъ личныхъ объясненій, боясь вліянія докладчика; онъ даже отъ своихъ директоровъ предпочиталъ получать письменные доклады, чтобы спокойно обсудить ихъ у себя наединѣ, не требуя однако никогда при этомъ длинныхъ справокъ и выписокъ изъ дѣлъ. Боясь утомляться, онъ и другихъ не утомлялъ понапрасну, чѣмъ отличался отъ большинства начальниковъ.

Просителей и ходатаевъ онъ принималъ любезно, и только разъ я видѣлъ его вспылавшимъ. Онъ собирався ѣхать въ засѣданіе по дѣлу о кавказскомъ нефтепроводѣ, какъ явился покойный Глѣбовъ, приславшій накануне протестъ донецкихъ углепромышленниковъ. Островскій деликатно принялъ его, но на вопросъ, прочелъ ли онъ протестъ, принялъ величественную позу и сказалъ:

— Да, прочелъ и положилъ туда, гдѣ и всѣ предыдущіе протесты.

— Куда это?

— Вотъ въ этотъ каминъ!

Какъ москвичъ и братъ знаменитаго писателя, Островскій считалъ себя знатокомъ русскаго языка и, дѣйствительно, писалъ хорошо. У меня сохранились десятки его писемъ, писанныхъ яснымъ, изящнымъ слогомъ и прекраснымъ четкимъ почеркомъ.

Онъ былъ всегда недоволенъ слогомъ своимъ чиновникомъ.

— Вотъ служили бы вы при Татариновѣ, онъ бы не пропустилъ ни одной вашей бумаги.

Особенно доставалось бѣдному Трирогову. Но дѣло ограничивалось отеческими наставленіями: въ дѣйствительности не было начальника менѣе требовательнаго по части изложенія бумагъ, и онъ подписывалъ всегда, если только мысль была для него ясна. Но въ другихъ менѣе важныхъ случаяхъ онъ былъ мелоченъ. Онъ ужасно взволновался, когда увидѣлъ, что юфтевая обертка къ всеподданнѣйшему отчету министерства оказалась сдѣланною Вейдле на сантиметръ короче, чѣмъ въ предыдущемъ году, и долго все мѣрилъ и жаловался.

Переpletчика Вейдле онъ вообще очень уважалъ за аккуратность, охотно ему заказывалъ и, кажется, еслибъ было возможно, то и провизію покупалъ бы у Вейдле.

Литературу онъ очень уважалъ и оказалъ услуги многимъ литераторамъ, даже покойнымъ, напирѣмъ издаваніемъ на казенный счетъ сочиненія извѣстнаго славянофила Николая Данилевскаго.

Когда гр. Толстой внесъ проектъ закона, воспрещавшаго чиновникамъ писать въ періодическимъ изданіяхъ не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства, Островскій позвалъ меня и сказалъ:

— Вотъ это васъ близко касается, надобно возражать.

Я предложилъ измѣнить редакцію новаго закона такъ, чтобы чиновникъ не могъ брать предметомъ для статей дѣлъ, довѣренныхъ ему по службѣ, въ остальномъ же былъ свободенъ. Приблизительно эта редакція при поддержкѣ Островскаго и была принята.

Такъ какъ изъ-за моихъ статей нерѣдко выходили разныя непріятности, то я нѣсколько разъ предлагалъ Островскому, когда былъ вице-директоромъ, выйти изъ редакціи, но онъ отклонялъ это. Только при назначеніи меня директоромъ я оставилъ постоянныя занятія въ газетѣ, хотя онъ и не просилъ объ этомъ.

Онъ не любилъ однако газетной полемики. Ему не нравилось также появленіе въ «Новомъ Времени» моихъ характеристикъ умершихъ государственныхъ людей (которые составили потомъ особую книгу).

— Я убѣжденъ, — говорилъ онъ мнѣ съ неудовольствіемъ, — что вы уже заранѣе написали всѣ некрологи и мой также.

Одна провинціальная газета припомнила въ прошломъ году разговоръ, происходившій у меня съ Островскимъ.

Я издалъ въ 1885 г. безъ подписи книгу «О женщинахъ», имѣвшую, какъ извѣстно, нѣкоторый успѣхъ.

Разные наушники, которыхъ въ каждомъ вѣдомствѣ тѣма-тѣмущая, сейчасъ же почли долгомъ отрапортовать, чѣ имя скрывается за псевдонимомъ. Послѣ одного изъ докладовъ Островскій кисло сказалъ:

— У васъ вѣроятно много свободного времени, что вы находите время заниматься литературою. Это еще ничего, но зачѣмъ вы не пишете о горномъ дѣлѣ, а пишете о женщинахъ?

— Позвольте,—отвѣчалъ я,—я о горномъ дѣлѣ написалъ въ жизни статей въ «Горномъ Журналѣ» и въ разныхъ сборникахъ въ общей сложности томовъ на 10 или 15. Чѣмъ же я виноватъ, что вы, хотя и начальникъ горной части, не удостоили взглянуть на эти сочиненія, а вотъ книгу о женщинахъ, выпедшую только надняхъ, уже прочли...

Островскій усмѣхнулся, но не нашелъ ничего возразить.

Замѣчательно, что хотя Островскій большую часть жизни прослужилъ въ контролѣ и даже былъ душою преобразованій въ этомъ вѣдомствѣ, но онъ, повидимому, не былъ высокаго мнѣнія о пользѣ контроля. Мало того, когда поднялся вопросъ о всеобщемъ распространеніи предварительнаго контроля, то Островскій собственноручно написалъ длинное возраженіе, доказывая справедливо, что введеніе предварительнаго контроля отниметъ всякую инициативу и отвѣтственность со стороны исполнитель-

ныхъ органовъ и вмѣсто ожидаемой пользы принесетъ только вредъ.

Курьезно, что, несмотря на авторитетъ въ дѣлахъ контроля Островскаго и на его репутацію безусловной честности, случилось такъ, что таврическая контрольная палата сдѣлала на него начеть. Въ началѣ 80-хъ годовъ съ его одобренія я подписаль контрактъ на отдачу Сакейскаго солянаго озера въ Крыму—контрактъ, настолько для казны выгодный, что черезъ три или четыре года пришлось сбавить арендную плату вдсятеро. Несмотря на это, за яко бы какія-то упущенія при подписаніи контракта, контрольная палата сдѣлала начеть въ 2 мил. руб., изъ которыхъ Островскому пришлось бы уплатить милліонъ, мнѣ 750,000, а начальнику солянаго отдѣленія Давыдову, благороднѣйшему человѣку, умершему въ званіи члена горнаго совѣта, въ бѣдности—250,000 рублей.

— Что за пустяки, — сказалъ Островскій. — Когда дѣлають начеть въ милліоны, очевидно, никто платить не будетъ. Напишите объясненіе.

Началась переписка или, точнѣе, полемика. Я написалъ объясненіе на 2 листахъ, а выжившій отъ старости изъ ума председатель контрольной палаты отвѣчалъ на 5 листахъ; я отвѣчалъ на 10, а онъ мнѣ въ отвѣтъ 20 и т. д. Наконецъ Островскій разсердился.

— Напишите государственному контролеру отъ меня частное письмо, чтобъ онъ приказалъ прервать это глупое дѣло.

Такъ оно и замерло, но замѣнилось столь пустыми пререканіями по протесту земствъ и медицинскаго вѣдомства, что отъ устройства Сакекаго озера погибнуть будто бы сакскія грязи. Хотя протестъ опирался на мнѣніе какого-то одесскаго профессора, но не имѣлъ, какъ доказывали другіе профессора, основанія и только напрасно огорчалъ Островскаго.

Величайшее же огорченіе доставило ему внезапное назначеніе предсѣдателемъ департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ по случаю перевода г. Сольскаго на мѣсто Абазы и нежеланія Императора Александра III сдѣлать предсѣдателемъ покойнаго Перетца. Хотя это было какъ бы повышеніе, но Островскій привыкъ къ своему дѣлу и къ окружающимъ, и къ своей квартирѣ.

Прощаясь съ нами, онъ былъ очень удрученъ и даже непритворно плакалъ. Всѣ мы отъ души пожалѣли о потерѣ такого хорошаго человѣка и рѣдкаго начальника.

На новомъ своемъ мѣстѣ онъ сталъ нервнымъ, любилъ дѣлать маленькія закорючки министерству земледѣлія, но насъ, бывшихъ своихъ подчиненныхъ, принималъ всегда очень любезно и огорчался даже,

если его забывали Съ 1899 г. онъ совсѣмъ удалился отъ дѣлъ и умеръ почти въ одиночествѣ.

Необыкновенно честный и безкорыстный по отношенію къ казеннымъ средствамъ, Островскій былъ безсребренникомъ и въ частной жизни. Когда ему досталось отъ дяди наслѣдство, онъ отдалъ его болѣе бѣднымъ братьямъ. Замѣчательно однако, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни его стало удручать опасеніе, что ему нечѣмъ будетъ жить. Онъ сдѣлался бережливъ и даже отказался отъ поѣздки за границу! Подобное явленіе нерѣдко наблюдается у стариковъ.

